

Внутренний колониализм в современной России

Меня как географа больше волнует вопрос, не "куда идет Россия?", а "где она стоит?" — роковые особенности ее географического положения, которое после распада СССР явно ухудшилось. Страна сузилась не только территориально, но и по диапазону возможностей использования своего потенциала. Периферийное положение на мировом рынке обрекает ее на роль пресловутого "сырьевого придатка", а уход юго-западных республик выталкивает в Азию и прижимает к Северному Ледовитому океану. Россия становится не столько более азиатской, сколько более северной, субарктической, приполярной. Такая перспектива охлаждает реформаторский пыл.

Остановлюсь на проблемах колониализма. Что здесь дано и что надо доказать? Даны понятия: колониализм, колонизация, колония и другие, пусть недостаточно научные, идеологически окрашенные, устаревшие, но незаменимые за неимением лучших. Требуется доказать, что некоторые наблюдаемые в нашей стране процессы и состояния могут быть отчасти описаны и оценены при помощи этих понятий.

Россия — военно-колониальная империя, живущая за счет безудержного расточения невозобновляемых природных и человеческих ресурсов, страна экстенсивного развития, частным случаем которого является сверхрасточительное, затратное землеприродопользование. В использовании земли, окружающей среды, природных и трудовых ресурсов, в миграциях людей очевидны многие негативные черты, которые не раз проявлялись в процессах глобальной колонизации, инициированной европейскими странами после Великих географических открытий.

Этнополитический колониализм

В нашей стране имеется один главный этнос, тождественный ей по названию и давший ей государственный язык, и множество других этносов, из коих некоторые имеют свои национально-территориаль-

ные автономии, но без права выхода из псевдофедерации, т.е. удерживаются в ней принудительно, под угрозой насилия. И при *том*, что почти все нерусские народы в России — не иммигранты, они не переселились в уже существовавшее Русское государство, а, наоборот, были им завоеваны, оттеснены, отчасти истреблены и ассимилированы, иногда лишены своей государственности. Коренные этносы, еще в начале советского периода составлявшие большинство в своих автономиях, ныне оказались в меньшинстве в результате недавней колонизации, связанной с освоением природных ресурсов, великими стройками, индустриализацией и милитаризацией.

Россия удерживает и не собирается отдавать десять территорий, которые СССР аннексировал, почти все — после второй мировой войны: четыре куска Финляндии, два куска Эстонии, один уезд Латвии, северную треть Восточной Пруссии, Туву, Южно-Курильские острова. Приобретения у Германии и Финляндии признаны международными договорами, из прочих многие остаются спорными. Со всех аннексированных земель, кроме целиком вошедшей в СССР Тувы, почти все прежнее местное население согнано; разрушены системы расселения, лесопользования, дренажные сети. При веселении присоединенных земель благонадежными славянами были отодвинуты интересы местных народов: литовцев — вокруг Кенигсберга, айнов — на Сахалине и Курилах. Корейцы на Сахалине оказались на положении иностранцев, ограниченных в праве передвижения; фактически стали рабами пограничных властей.

На присоединенных к СССР территориях и в местах депортации народов произошла топономическая агрессия. Почти все прежние географические названия заменены новыми, которые везде, кроме Сахалина и Курил, где потрудился географ Ю.К.Ефремов, однообразны, безвкусны, трудноразличимы (Светлогорск, Зеленоградск, Советское, Первомайское), скрывают не только историю, но и географические особенности. Прошлое замалчивается в средствах массовой информации и учебниках; тем самым поддерживаются мифы: Выборг основан русскими, пруссы — славяне, Пруссия — Руссия, Кант — придворный философ русской императрицы и т.п.

В свое время было запрещено упоминать, что Тува до 1912 г. принадлежала Китаю (писали "маньчжурское иго"), но ныне в Москве почти забыли и более свежий факт, — что в 1921—1944 гг. формально существовала независимая Тувинская Народная Республика, аналогичная Монгольской, выпускала свои денежные знаки и почтовые марки. Туву присоединили почти тем же методом, что и страны Балтии.

Сегодня Россия на своей территории и в других странах СНГ ведет неокOLONиальные войны и разжигает межэтнические кон-

фликты для сохранения и восстановления империи, в интересах своих силовых ведомств, по принципу "разделяй и властвуй"; насаждает марионеточные коллаборационистские режимы. Не параллельные, а последовательные вспышки и затухания "горячих точек" вызывают подозрение, что конфликты направляются из одного центра, не способного следить более чем за одной ситуацией.

Широко использовавшаяся в годы глобальной советской экспансии доктрина о праве народов на самоопределение как будто забыта. Национально-освободительные движения и антиколониальные восстания теперь считаются сепаратизмом и бандитизмом. Объявив курс на демократию и правовое государство, современная Россия вовсю пользуется доставшимся ей от Российской империи и Советского Союза колониальным наследием.

Хозяйственно-демографический колониализм

Большую часть России занимают так называемые районы Севера, Сибири, Дальнего Востока и "приравненные к ним". Там преобладают неместные уроженцы, поселившиеся в основном после второй мировой войны, и их еще не старые потомки; долей и влиянием старожилов уже можно пренебречь. При заселении преобладали неэкономические методы — репрессии, вербовка, переводы по службе и т.п. Традиционное землеприродопользование коренных народов нарушено, разрушен прежний культурный ландшафт, а новый, устойчивый и продуктивный, не создан; вместо него — деградирующая среда. Украшения пейзажа стали бочки из-под нефтепродуктов, придорожные болота-свалки, жилые бараки и будки. Тайга и тундра изрубцованы следами вездеходов.

Верхушка коренных этносов, оторванная от традиционных методов хозяйства, примкнула к хищникам-колонизаторам, переняла их образ жизни и собирается паразитировать за счет природных ресурсов. Якутия хочет стать вторым Кувейтом благодаря алмазам, для добычи которых уже опустошена и изуродована территория площадью не меньше Швейцарии.

Почти все население колониальных окраин — не постоянное, а временное — прибыло на срок не более своего укороченного трудового стажа, после чего собиралось жить "по-человечески" на "материке" в качестве молодых пенсионеров. За колонистами сохранялись права на жилплощадь на их родине. Аналогичные льготы полагались военнослужащим и заграничникам. Северяне жили вне метрополии, находились на государственной колониальной службе. Чуждость поселенцев окружающей среде выражалась и в том, куда они ездили в отпуск.

Своеобразна урбанизация окраин: высока доля городского населения, сконцентрированного в центрах областей и республик и в крупных добывающих городах. Малые города фактически отсутствуют, вместо них узкофункциональные рабочие поселки. В средней полосе Сибири и Дальнего Востока исчезает деревня, формировавшаяся до революции; почти нет сельской местности.

Северные города стремятся стать капсулами, изолированными от окружающей среды. Воркута, Норильск, Сургут, Мирный лучше связаны с Москвой, чем с окраинами своих регионов. Стоимость билетов на самолет сильно подорожала, но большинство трудящихся и детей летают за счет государства и разных спонсоров. Социальный статус северянина измеряется числом дней, которые он проводит в командировках в Центр, а некоторые представители северных предприятий живут в столичных квартирах почти круглый год.

Поражает обилие профессиональных кочевников — геологов, военных, строителей, рыбаков, моряков, которые в сфере досуга и хозяйственной самостоятельности стали браконьерами. Природопользование коренных малых народов защитить невозможно, так как непонятно, кто туземец, а кто колонист; кто горожанин, а кто таежный охотник. Русские пишатся алеутами, коряками и прочими, чтобы получать преимущества в охоте и рыболовстве, как раньше "национальностью" пользовались, чтобы поступить в вуз, техникум без экзаменов или по льготной квоте. Суверенная Корякская республика, особый этнос "русские камчадалы" и другие подобные концепции — все это шло в ход, чтобы местная номенклатура могла грабить бесконтрольно.

Разрушение окружающей среды в колониальных регионах суперутилитарно, т.е. намного превышает производственную необходимость. Виноваты, по-видимому, и психологические причины. Поселенцы, судя по следам их деятельности, осознанно или подсознательно ненавидят чуждую им окружающую среду, мстят ей за свое ущербное социальное и географическое положение, хулигански самоутверждаются за счет беззащитной природы.

Колониализм в метрополии

Колониальный характер присущ многим хозяйственным и демографическим процессам и в коренной, европейской, центральной России.

1. Репатриация российских военных из стран, ранее оккупированных советской армией. Военнослужащим и отставникам нужны новые полигоны, склады боеприпасов, военные городки, жилые дома, квартиры, дачи, садовые участки — по-возможности, ближе к Москве. В Центральной России усиливается милитаризация, но

не техническая, а социально-бытовая. Армия укрепляется как классический советский командно-административный затратный сектор народного хозяйства, целиком основанный на принудительном, рабском труде. Благополучие генералов и офицеров прямо зависит от количества потребляемых вооруженными силами ресурсов: энергии, боеприпасов, стройматериалов, рабочей силы, пушечного мяса.

2. Репатриация жителей Крайнего Севера, строительство для них поселков и подсобных хозяйств в Подмосковье. Так, Мещера становится колонией Воркуты и Норильска.

3. Исход русских из Ближнего Зарубежья, отчасти провоцируемый попытками использовать их там в интересах российского империализма как пятую колонну.

4. Миграция в Россию представителей кавказских и среднеазиатских народов — бегство от страха, нищеты, голода, холода, безработицы, репрессий, от воинской повинности, с опорой на уже укоренившуюся диаспору.

5. Приобретение состоятельными выходцами с Кавказа и из Ближнего Востока недвижимости в больших городах и пригородах, часто через подставных лиц; обзаведение семьями и гаремами, формирование диаспоры.

6. Субурбанизация — расширение городов и пригородных зон, строительство дач и так называемых коттеджей (нередко — дворцов, замков, небоскребов), захват земель под садовые участки и огороды; замена зеленых насаждений гаражами, превращение лесов и оврагов в свалки.

7. Ситизация — превращение ядер городов в деловые и увеселительные центры с выселением прежних жителей на окраины; вытеснение экономически лишних людей (бедняков, стариков, инвалидов) на периферию, на социальное дно (в бездомные) и из жизни вообще.

8. "Переселение" мертвых — массовая ликвидация кладбищ под застройку, перенос и уничтожение захоронений; стирание последних следов от ранее живших людей.

Колониальный (в худших значениях) характер вышеперечисленным процессам придают: игнорирование поселенцами сложившегося землеприродопользования и регулировавших его обычаев, в законах не закрепленных; бесправие местных жителей и лишение их какой-либо компенсации; разрушение прежнего природного и культурного ландшафта; отсутствие преемственности в использовании территории, смене людей и культур, и, как следствие всего этого, случайность, неожиданность, насильственность перемен, происходящих в той или иной точке пространства. И, наконец, колониальный способ приобретения земель. Местный администра-

тор как туземный вождь или царек то ли продает, то ли уступает да взятку землю, которой распоряжается.

Возрождаются грандиозные прожекты организованных переселений, например, вдоль будущей скоростной железной дороги Москва — С-Петербург. Предлагают заселить Центральную Россию вышеупомянутыми репатриантами с Севера, из зарубежья, Отставными военными. Как и прежде, человек считается средством для решения государственных задач. Людей опускают в чуждую среду, чтобы поднять регион. Подъем региона или отрасли хозяйства — мистическая самоцель? Нет, это тоже средство, повод для очередной высокозатратной затеи, чтобы дельцы присосались к потокам ресурсов.

Заселять собираются теми, кто привык командовать и подчиняться, применять силу, стрелять и взрывать. Новые мигранты несут с собой разрушительное, колониальное отношение к ландшафту и местным жителям, выработавшееся у них на Севере, в Афганистане, в дачном Подмосковье. Их трактора и бульдозеры — танки для покорения и подавления земли.

Текущее переселенцев, разочарование и фрустрацию большинства из них предсказать тоже нетрудно. Центральная Россия, последняя сельская колыбель русского этноса, превратится в лагерь для перемещенных лиц, во второй Курский вокзал, в проходной двор для вынужденных мигрантов, маргиналов и апатридов. Культура — это отстойник, а ее разрушают перемешиванием и встряхиванием.

За пригородными зонами в советских градостроительных нормах и правилах закреплены важные экологические функции, в частности, накопление чистого воздуха для проветривания городов и кратковременный подвижный отдых горожан. Теперь все это опрокинуто. Земля отводится под застройку меньшинству без того, чтобы зарезервировать в интересах большинства какие-то зоны отдыха, природные парки и заповедники. Без массового, давно сложившегося самодеятельного отдыха и туризма инженеров, техников, интеллигенции наше государство не имело бы тех мозгов, которые оно использовало в ВПК. Вместе с рекреационной средой исчезает и формировавшийся в ней слой физически и нравственно здоровых людей. Тут я выступаю и как туземец, нуждающийся в презервации.

"Советский энциклопедический словарь" (1989. С. 610) определяет "колонизацию" как "заселение и хозяйственное освоение пустующих окраинных земель". В представлении о том, что земля может пустовать — самая суть колониализма. С точки зрения каких-нибудь коммерсантов помещение публичной библиотеки пустует, потому что завалено малоценной макулатурой. Самим библиотека-

рям было бы выгоднее выбросить хлам и занять место под склад спиртных напитков. Понятие пустого, неиспользуемого пространства — идейная основа вандализма.

Процессы, описанные в территориальном разрезе как проявления колониализма, могут рассматриваться и как периодические переделы имущества, свойственные квазифеодальной собирающе-раздаточной экономике. Очевидно, что и новейшие отношения собственности не застрахованы от перемен.

Бумеранг колониализма

Надорвавшись в Афганистане и в гонке вооружений, великая держава то ли впервые, то ли во второй или третий раз в своей истории повернула вспять. Прилив сменился отливом. Что ж, цикл естественный, но что-то не видно в великом переломе долгожданного перехода страны от экстенсивного развития к интенсивному. В отливе проявляется прежняя экстенсивность. Нельзя больше завоевывать чужие страны — будем грабить свою.

Колонии и метрополии парадоксально меняются ролями. Историческое возмездие, ирония истории? За что боролись, на то и напоролись.

Центральная Россия превращается в колонию российских окраин. Вся Россия становится в том или ином смысле колонией стран Запада и Юга, Ближнего и Дальнего Востока (примеры — в предыдущем разделе). Недавно аннексированные земли — очаги мирной экономической колонизации России побежденными ею во второй мировой войне странами.

Изгнанные финны, немцы и японцы объединились в землячества, издают литературу и географические карты, которыми завалены и увешаны российские учреждения в пограничных регионах. В Калининграде (Кенигсберге) всюду висят и продаются карты области и планы города на немецком языке или двуязычные. Ежедневно приезжают гости — сами изгнанники, а не только их дети и внуки: ведь люди в Финляндии, Германии и Японии живут долго и в старости сохраняют социальную активность. Их ностальгию, привязанность к доступным теперь пепелищам широко эксплуатируют местные власти и хозяева: позволяют ставить памятники, обещают ухаживать за могилами, а за это получают субсидии и долгосрочные визы. Совместным предприятиям и мероприятиям несть числа. В такой ситуации возвращать, скажем, Курилы японцам значит резать курицу, которая несет золотые яйца.

Влияние недавно аннексированных территорий распространяется в глубь России. Сегодня весь Северо-Западный регион, от Мурманска до Великих Лук, старается "дойти" Финляндию. Ком-

прадоры готовы продать весь растительный покров с корнями и почвой, но этого не допустят сами желанные покупатели, заинтересованные в сохранении природной среды у восточного соседа, и тогда идет в ход угроза: вырубим приграничные леса, если не дадите денег. Шантаж (экологический, ядерный, военный) становится излюбленным средством мирного сосуществования и международного разделения труда. Наше дело — устраивать Чернобыль, ваше — давать нам деньги на ликвидацию его последствий.

Центробежная колонизация привела к физической и моральной деградации господствующего этноса. Оскудение центра России началось в XIX в. в результате чрезмерной распашки и переселений наиболее инициативных крестьян в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток. В советское время деревню добивали коллективизация, голод, индустриализация, урбанизация. После второй мировой войны благонадежные славяне отбирались для элитной службы и заселения окраин. В результате истощена сельская местность как почва и ландшафтная основа народа. Центральный район (кроме Москвы и ближнего Подмосковья) стал самым упадочным. Имперская рыба гнила с головы (социальной, этнической, географической).

В то время как в межэтническом разделении труда на долю славян выпала государственная служба, кавказцам и азиатам достались натуральное хозяйство и теневая экономика. Сегодняшний рынок пришел к нам не столько с запада, сколько из советской тени и с азиатских базаров. Русские привыкли, что их кормит государство, дает зарплату за лояльность на рабочем месте. Нерусские больше изворачивались. Кавказцы на первых порах выиграли благодаря патриархальной семейно-родственной кооперации и присущей малым народам солидарности и закалке в борьбе за выживание. Славяне на многих поприщах оказались неконкурентоспособными и в чем-то потеряли свою хозяйственную нишу, но ныне "новые русские" отвоевывают ее в борьбе с нерусскими. Противоположно, но столь же объяснимо положение славян в странах Балтии, где титульные этносы устремились на государственную службу, а русскоязычные "неграждане" в мелкую торговлю, т.е. на типичное поприще для нацменьшинств.

Еще один парадокс: представители этносов, против которых Москва ведет политику геноцида, успешно селятся и находят себе занятия в самой Москве, влияют на судьбу России несоразмерно своей малочисленности.

Обе российские столицы все больше становятся воротами для иностранных связей и влияний. Явление не новое, оно обычно для полукolonий, и после ликвидации советской автаркии возродилось. Петербург был создан как морское окно в Европу, но еще более широкими воротами в век авиации сделалась Москва — город

кремлевской прислуги, рабочий поселок при ЗИЛе и ВПК, она стала факторией, туземным поселением при аэропорте Шереметьево.

Москва по отношению к остальной России — все равно что Гонконг при материковом Китае. Это пока разные государства? Но и Москва, как подтвердили выборы, от прочей России отличается экономическим укладом и почти что государственным строем. Провинциальная Россия живет в ином информационном пространстве, где не смотрят НТВ, не читают "Московский комсомолец", не слушают "Эхо Москвы", а местные средства массовой информации по-советски подцензурны и сервильны. "Революционная" капиталистическая Москва окружена социалистической Вандеей.

Что касается мирного проникновения китайцев, то наша Сибирь выгодно дополняет Китай по сырью, трудовым ресурсам и демографически. У нас много инженеров и техников, а у рабочих, как бы это выразиться по-приличнее, "низкая трудовая этика", им нельзя доверить даже лопаты. Китайцы дисциплинированы, любят и умеют работать, но им не хватает квалифицированных и образованных специалистов.

Своими руками нам Сибири и Дальнего Востока не поднять. Не помогут ни стройбаты, ни новые репрессии с одноразовым использованием рабочей силы: рождаемость уже не та. А иммигранты из Восточной Азии — это главным образом мужчины. Многие женщины охотно выходят замуж за работающих и не пьющих, тем более, если для этого не надо порывать с привычной средой. Так что наш роковой вопрос: "Куда идет Россия?", может смениться более актуальным: "Куда идет Китай?"